

А. Л. БЕГЛОВ

**«ОБЩИНА, УЧРЕЖДЕНИЕ, БРАТСТВО...»
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА
В ПРОЕКТАХ И ДИСКУССИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.***

В статье рассматривается понимание православного прихода разными церковными и общественными группами Российской империи в конце XIX – начале XX в. Полемика вокруг приходского вопроса ставится автором в контекст государственной политики по отношению к приходу в течение XIX в. и в контекст социальных трансформаций пореформенного периода. Выделены три главных семантических поля, которыми обладало понятие *приход* в данный период. Автор приходит к выводу, что к концу существования Российской империи русское общество было далеко от консенсуса в приходском вопросе. В результате идентичность прихода складывалась не в ходе дискуссий и законотворческой деятельности, а в ходе социальных трансформаций раннего советского периода.

Ключевые слова: историческая семантика, церковные реформы, православный приход, приходские институты, крестьянская община, приходская община, церковное учреждение, братство, славянофилы, земство.

Приход в Православной церкви – самая мелкая, но и массовая и, можно сказать, базовая ее структура – на рубеже XIX–XX веков, по практически единодушному признанию современников, находился в состоянии кризиса. Вместе с тем, к нему были прикованы взгляды самых разных церковных и общественных сил, которые пытались сформулировать свое видение православного прихода и предложить свою программу его преобразований. При этом современники были далеки от единства не только в подходах к приходской реформе, но и к самому определению прихода. Разное наполнение этого термина обнаруживало различные представления об общественном и церковном устройстве, различные подходы к политическим и (даже) межведомственным стратегиям. Поэтому представляется продуктивным рассмотреть понятие *приход* в категориях исторической семантики.

Будем при этом учитывать, что приход – динамичное социальное явление. В изучаемый период в понимании прихода с точки зрения зако-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Результаты настоящего исследования были представлены в виде доклада на международном научном семинаре Германского исторического института в Москве «Церковь и духовенство как социальное сообщество в России XVIII – начала XX вв.: ключевые понятия и модели» (Москва, 11 апреля 2014 г.).

нодательства и обыденного сознания доминировал *территориальный* признак: в приход входили православные жители определенной территории, закрепленной за конкретным храмом. Но в таком виде приход существовал не всегда. В первые столетия после крещения Руси, в эпоху становления древнерусской церковной организации приходская сеть (как она понималась в XVIII – начале XX в.) еще не сложилась. Позднее, примерно с конца XV в. наряду с приходом практиковались другие формы церковного окормления мирян¹; помимо него эту функцию выполняли соборы, монастыри, покаяльные семьи (свободные, не обусловленные территориальным принципом объединения мирян вокруг конкретного духовника²). В синодальный период территориальный приход претендовал на монополию окормления мирян (такую позицию отстаивали как власть, так и духовенство)³. При этом на рубеже XIX–XX вв. он уже разрушался в крупных городах, хотя законодательство не принимало во внимание это обстоятельство. В 1917 г. с территориальным приходом на территории России было покончено юридически, а примерно с 1940-х гг. – и фактически. Тем самым сегодняшнее положение дел с точки зрения многообразия форм низовой церковной жизни напоминает скорее ситуацию XV–XVI вв., чем столетней давности.

В рамках избранного подхода мы выделили три основных семантических поля, в которые могло быть включено понятие *приход* в рассматриваемый нами период. Во-первых, это поле, в рамках которого приход описывался как *община* и «*общественность*», что было характерно для славянофилов и их последователей. Во-вторых, поле, в котором приход понимался как *учреждение*, т.е. как то, что было учреждено вышестоящей структурой и поэтому является частью целого, причем целое во взаимных отношениях с приходом доминирует. Такое понимание прихода было свойственно части иерархов и церковных интеллектуалов 1900–1910-х гг., но также отстаивалось чиновниками ведомства православного исповедания. В-третьих, поле, в котором приход соотносился с категорией *братства* – отождествлялся с ним или противопоставлялся ему. Это видение приходского вопроса демонстрировали как некоторые иерархи, начиная с 1890-х гг., так и отдельные церковные публицисты более позднего периода.

¹ Стефанович. 2002.

² Смирнов. 1913.

³ См. примеры жалоб приходских священников Калужской епархии на духовников Оптиной пустыни, которые, по мнению первых, незаконно принимали на исповедь мирян: Беглов. 2009. С. 313, 351–357.

Прежде чем перейти к анализу трех названных сематических полей, остановимся кратко на эволюции прихода в синодальный период, на характеристике предусмотренных законодательством приходских институтов и на социальном контексте повседневной жизни приходских общин.

Закрепощение прихода

В синодальный период приход претерпел существенную эволюцию. В течение XVIII в. приход освобождался от нерелигиозных функций (управленческих, фискальных и др.)⁴. В начале XIX века произошло фактическое закрепощение прихода, его подчинение государственным структурам. Законодательно оно было оформлено в 1808 г изданием Инструкции церковным старостам (первой ее редакции). По мнению одного из современников (И.К. Зинченко), Инструкция по своему значению и последствия должна быть поставлена в один ряд с такими актами государственной власти как Духовный регламент и секуляризация церковных имений 1764 г.⁵ В 1808 г. приходская община была де-юре лишена своих полномочий и основного дохода, а приход поставлен под жесткий контроль вышестоящих церковных и светских властей. Сделано это было в контексте формирования общеимперской системы духовных учебных заведений, на финансирование которой и предназначались реформаторами приходские деньги, а именно – *свечной сбор*.

В соответствии с Инструкцией, а затем и Уставом духовных консисторий 1841 г.⁶, староста переставал быть порученцем прихода и ставился в зависимость от клира и епархиальных властей (консистории). Клир обязывался строжайше следить за старостой, и при этом, как и староста, был подотчетен епархиальной власти. Реформа имела двоякие последствия. С одной стороны, приход терял финансовую самостоятельность, приходы беднели. С другой стороны, реформа резко противопоставила клир и «мир», приходское духовенство и приходскую общину. Последняя оказалась в положении податной единицы, что оскорбляло прихожан. Клир же оказался в роли фискального агента, обязанного следить за сбором подати. Причем на протяжении всего XIX в. это отчуждение только усиливалось, поскольку духовные учебные заведения, созданные реформой 1808 г., имели подчеркнuto сословный характер, и чем прочнее духовенство связывало свои интересы с этими учебными заведениями, чем тщательнее оно следило за отчислением средств в консистории, тем быстрее росло взаимное недовольство между ним и прихожанами.

⁴ Freeze. 1976.

⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 579. Лл. 1а–1а об.

⁶ Подробнее см.: Беглов. 2012 (а).

В 60-е годы XIX в. пропасть между клиром и мирянами продолжала углубляться. Духовенство получило возможность собираться на сословные съезды и осуществлять сословные сборы, которые шли в основном на духовные учебные заведения, т.е. на обучение его детей. Проблема состояла в том, что средства эти брались священниками из церковной казны, т.е. из пожертвований прихожан, которые жертвовали их на храм, а не на сословные нужды духовенства⁷.

Другим последствием реформы 1808 г. стало формирование теневой сферы приходской экономики. Причты и приходы, вовремя осознавшие, к чему ведет изъятие свечного сбора, перечисляли его не в полном объеме, утаивая часть сумм от вышестоящего начальства. Причем такое «узаконенное святотатство» (букв. – похищение святыни; выражение Д.Ф. Самарина) было известно и епархиальным властям, и синодальным чиновникам, и обществу.

Приходские институты

Такая двойственность – существование при свете законодательных актов и в их тени – характеризовала не только экономику прихода, но и его институты. С точки зрения законодательства, в приходе существовали четыре должности и института: 1) причт, 2) церковный староста, 3) представители прихода при освидетельствовании церковных сумм, 4) приходское собрание. Причт полностью зависел от епархиальной власти и подлежал ее всестороннему и детальному контролю. С другой стороны, он – в лице, прежде всего, священника-настоятеля – был главным распорядителем церковных сумм на уровне прихода, если конечно такие суммы оставались после выплаты всех необходимых епархиальных и общецерковных сборов. Церковный староста был фактическим уполномоченным причта, но не прихода по ведению церковного хозяйства. Он находился под тщательным контролем со стороны причта, благочинного и по крупным тратам – епархиальной власти. Однако механизм контроля его деятельности и деятельности причта со стороны прихожан отсутствовал. Староста оказывался, прежде всего, помощником причта в сборе и высылке в епархию необходимых отчислений, причем в том числе и тех, что шли на сословные нужды духовенства. Представители от прихода, обязательно избиравшиеся с 1890 г., были однако «не более, как понятия, которые не имеют никакого голоса в деле, а только удостоверяют, что вся сумма, оказавшаяся налицо при высылке денег из церковных ящиков и кружек, занесена на приход»⁸. Круг участников приходского

⁷ Подробнее см.: Беглов. 2014 (б).

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 315 об.

собраний был заметно ограничен. В некоторых случаях, по наблюдению современников, из его состава были исключены лица «наиболее влиятельные и полезные» для приходского дела. Так, по точному смыслу действовавших законов, право участия в собрании принадлежало одним домовладельцам, тогда как в городах большинство прихожан состояло из квартирантов; на селе от участия в собрании оказывались отстранены все, кто не принадлежал к дворянскому или крестьянскому сословию, например, «земледелец из купцов, мещан или из потомственных почетных граждан»⁹. Компетенция приходского собрания оказывалась очень узкой. У него не было иных полномочий, кроме избрания церковного старосты, двух представителей от прихода и санкционирования новых построек. Также его участие, очевидно, предполагалось Уставом духовных консисторий при решении прихожан об обеспечении сверхштатного диакона, отстранении по их просьбе члена причта и сношении епархиальной власти с прихожанами. Но механизм участия собрания прихожан в этих мероприятиях никак не был детализирован¹⁰.

Таким образом, формальные приходские институты были крайне слабы. Но рядом с ними существовал еще один институт, полномочия которого в приходской жизни никем не признавались, но который был очень влиятелен. Это была крестьянская община.

Приход и крестьянская община

После отмены крепостного права рядом с приходом была конституирована консолидированная, обладавшая значительной властью над своими членами крестьянская община. Решения сельского схода были обязательны даже для тех, кто на нем не присутствовал. Он мог устанавливать «мирские сборы» и участие в них также было обязательным для всех членов общины. Сход нес обязательства по поддержанию церкви и духовенства. Причем этими обязательствами его наделяло светское законодательство, в частности статья 178 «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹¹. Учитывая, что крестьяне очень часто стремились решать именно на сходе многие вопросы совместной жизни, которые формально не относились к его компетенции (например, празднование местных праздников, возведение часовен, жалобы на духовенство), мы увидим, что сельских сход был реально действующим, исключительно мощным институтом, распро-

⁹ Там же.

¹⁰ Беглов. 2012 (а).

¹¹ Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, ст. 178, 187, 188 и др. // Положения о сельском состоянии. С. 43–46.

странявшим свое влияние и на приходские дела. Однако в церковном законодательстве о приходе сход не упоминался вовсе.

Между тем, перечисленные выше институты приходского управления не могли соревноваться в эффективности со сходом сельской общины. За приходским собранием была закреплена очень узкая компетенция. Фактически, оно должно было созываться лишь для выборов должностных лиц прихода, членов приходского попечительства и санкционирования новых построек. Обязательная регулярность созыва приходского собрания (не реже раза в год) стала предполагаться церковным законодательством только с 1890 г. До этого оно могло не созываться годами. Собрание не могло принудить выполнять взятые на себя финансовые обязательства даже тех прихожан, кто присутствовал на нем. Для остальных его авторитет и вовсе был ничтожен, тем более что гражданские власти ревностно наблюдали за исполнением решений сходов, но, как правило, оставляли без внимания судьбу решений приходских собраний¹². «Тот факт, что статус приходского собрания не был четко определен законом, только усиливал стремление верующих полагаться на сельский сход в делах, касающихся управления храмом». Более того, подобным же образом поступали и приходские священники. Например, чтобы открыть приходское попечительство, они не созывали приходское собрание, как того требовало Положение 1864 г. и формальная логика, а делали это предложение сельским и волостным сходам и от их имени оформляли приговор о создании попечительства¹³. Приходское собрание в этой ситуации оказывалось «излишним элементом в церковной системе управления»¹⁴. Наконец, не редко приход был численно слишком велик, достигая нескольких тысяч человек, и территориально разбросан, чтобы приходское собрание могло быть действительно работоспособным органом¹⁵.

Сельский сход регулярно занимался проблемами церковно-приходской жизни. Именно сход решал вопрос о финансировании строительства приходской церкви или ее ремонта (постановление на этот счет приходского собрания оказывалось, таким образом, формальностью, только повторявшей приговор схода). Сход составлял соглашение между сельским обществом и священником о содержании последнего и выде-

¹² Шевцова. 2010. С. 132, 160.

¹³ Самарин. 1903; 1908. С. 58.

¹⁴ Шевцова. 2010. С. 131. Курсив в цитате наш. – А.Б.

¹⁵ Ср. рассуждение Ф.Д. Самарина по поводу того, какая конфигурация приходских институтов была бы наиболее эффективна в зависимости от размеров приходов: РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Лл. 321 об.–322.

лял участок земли священно- и церковнослужителям. Сход избирал церковного сторожа (эта должность по законодательству относилась именно к мирским повинностям). В обязанности схода входило призрение престарелых, инвалидов и сирот (что пересекалось с одной из компетенций приходских попечительств). По всем этим вопросам сход составлял обязательные для членов общества приговоры, тогда как приговоры «приходских сходов» (т.е. приходских собраний) по закону были обязательны «лишь для прихожан, участвовавших в их составлении»¹⁶.

Все это давало сельскому обществу (в лице схода) особые, хотя и не писанные полномочия в приходских делах. Во второй половине XIX в., а затем и в начале XX в. крестьяне регулярно просили об определении конкретных лиц на вакансии священно- и церковнослужителей, об оставлении переводимых, или же об устранении неугодных священников и даже целых причтов¹⁷. Они все чаще предъявляли права на свое участие в деле распоряжения приходским имуществом, в том числе имуществом, относящимся к храму. Они болезненно реагировали на случаи «своеволия» со стороны своих пастырей, которое выражалось в игнорировании последними мнения прихожан по тем или иным вопросам распоряжения церковным имуществом, особенно – когда дело касалось возведения или ремонта приходского храма, к которому крестьяне относились с особым трепетом¹⁸. Отстаивая свое право участвовать в распоряжении церковным имуществом, крестьяне ревностно защищали свое право выбирать церковного старосту. И хотя староста по закону был только помощником священника, часто, чувствуя за собой поддерж-

¹⁶ Ст. 178 разъяснение 6, ст. 179 п. 6, решение Сената от 8 ноября 1883 г. // Положение о сельском состоянии. С. 169–171; Указ Правительствующего Сената от 28 марта 1890 г. // Алфавитный указатель... С. 220–221; Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Стб. 1910.

¹⁷ *Н.П.* О приговорах волостных правлений... С. 237–245; Начальственные распоряжения... С. 118–119.

¹⁸ Такое отношение к своей церкви, как представляется, основывалось на понимании храма как дома Божия, который, однако, связан и с умершими родственниками прихожан, и с историей самой общины. В итоге храм представлял местом «священным, но также и родным», «где коллективная и индивидуальная память сплетались в нечто неразрывное». Кроме того, на храм распространялось и свойственное крестьянскому сознанию отношение к собственности. Крестьяне считали своим все, к чему был приложен их труд или труд их предков, а коль скоро приходские церкви в большинстве своем строились их трудами и пожертвованиями, воспринять идею, что возведенный храм «принадлежит» не конкретной крестьянской общине, а всей Российской Церкви, прихожанам из крестьян было затруднительно. См.: *Шевцова*. 2010. С. 112–119; *Миронов*. 1999. Т. 1. С. 328. Ср. об аналогичных ситуациях в жизни монастырей, в начале XX в. по преимуществу крестьянских: *Зырянов*. 1999. С. 173–174.

ку сельского схода, он выступал выразителем именно его настроений, или, по крайней мере, – посредником между сходом и приходским духовенством¹⁹. Иными словами, условия жизни в деревне «давали мирянам особые права, которых они не имели в церковноприходской общине»²⁰.

В этой ситуации приход как будто нуждался в утверждении собственной идентичности. Поиск идентичности вели разные общественные силы. Категории, в которых они описывали приход, многое говорили как об их социальной оптике, системе ценностей, так и об образе будущего прихода, Церкви и России в целом. Сами дискуссии развивались на фоне явной неопределенности институционального облика прихода.

Приход как община-«общественность»

Пионером обсуждения приходского вопроса, природы прихода и соответственно понятий, которыми он может быть описан, был известный деятель московского славянофильского кружка Д.Ф. Самарин (1827–1901; младший брат Ю.Ф. Самарина), опубликовавший в 1867 и 1868 гг. в газете «Москва» серию очерков под общим названием «Приход»²¹. Для Д.Ф. Самарина приход – прежде всего общественный институт, «общественная группа», но жизнь которой неразрывно связана с жизнью целого, всего церковного организма. В этом проявляется характерный для славянофилов взгляд на общество (в т.ч. и на Церковь) как на живой организм (отсюда и столь любимые ими категории жизни, живой жизни). Приход здесь рассматривается как «клеточка» организма, имеющая «жизнь» в себе, но и неразрывно, «органически» связанная с целым. И поскольку – замечает Д.Ф. Самарин – в православном мире Церковь сохраняет «значение живого и цельного организма», нам особенно следовало бы дорожить приходом. Коль скоро клеточка организма имеет жизнь в себе, то и важнейшая для автора очерка характеристика прихода – самостоятельность его внутренней жизни, которая выражается в том, что приход выбирает причт и распоряжается – после уплаты «известного оклада» в пользу иерархических властей – церковными средствами.

Утрата приходом права распоряжаться церковным имуществом для Самарина – наиболее яркий пример утраты самостоятельности прихода и его бюрократизации: «Мы ни слова не говорим против отнесения на доходы церковей содержания духовенства или духовно-учебных заведений; но мы не можем признать ни справедливым, ни практичным отнимать у церковей то, что каждой из них принадлежит, лишать их

¹⁹ О двойственном положении церковных старост и о конфликтах вокруг их фигур см. *Шевцова*. 2010. С. 142–143.

²⁰ Там же. С. 135.

²¹ *Самарин*. 1867. № 101, 103, 105, 107, 108, 151, 153; 1868. № 3, 4, 5.

главного источника их доходов, сливать доходы каждой отдельной церкви в один общий сбор для всей России посредством искусственной централизации, упразднить местные средства, пренебрегать местными интересами и заменять самоуправление приходских общин церковно-административною бюрократией²². Причем Д.Ф. Самарин и публицисты его круга (в частности, И.С. Аксаков) считали, что субъект приходской жизни, несмотря на все неблагоприятные условия, существует. Это община – земское общество и крестьянская община на селе и городское общество в городе. Для возрождения приходской жизни общине-обществу нужно было только дать, точнее – по мысли славянофилов – «вернуть» ее изначальные права в приходской, церковной жизни.

Как один из первых шагов правительства по возврату этих прав приходскому обществу Д.Ф. Самарин и его единомышленники рассматривали учреждение в 1864 г. приходских попечительств при церквях. Они стремились активно участвовать в их работе (Д.Ф. Самарин был председателем Спасского попечительства Самарской епархии). Стараясь направить их деятельность в соответствии со своими представлениями, они, в частности, заявляли о правах попечительств распоряжаться церковными суммами. Когда к концу 1860-х гг. стало ясно, что попечительства встречены настороженно иерархией и духовенством, а попытки расширить сферу их деятельности в соответствии со славянофильской концепцией заблокированы как на епархиальном уровне, так и Синодом, славянофилы сделали акцент на возможности участия земского и городского самоуправления в приходской реформе. Д.Ф. Самарин, будучи влиятельным гласным Московского губернского земского собрания, в 1880 г. предложил Московскому земству ходатайствовать перед Министерством внутренних дел об изменении статуса православного прихода (восстановить право юридического лица, избрания священнослужителей, распоряжения церковными средствами). Причем это была самая громкая, но далеко не единственная инициатива земств по участию в приходской жизни²³.

Такая позиция славянофилов была совершенно естественна. И приход, и земские учреждения были для них институтами одной – общественной сферы, поэтому помощь со стороны более свободных (по закону) институтов другим была для них само собой разумеющейся.

На рубеже XIX–XX вв. публицистическую эстафету в приходском вопросе принял у старших славянофилов крупный юрист, член Санкт-Петербургской судебной палаты А.А. Папков. По своим взглядам, обусловившим его понимание приходского вопроса, он был близок славя-

²² Самарин. 1867. С. 57.

²³ Подробнее см.: Беглов. 2014 (а).

нофилам. Русская «свободная община» была его идеалом. Он именуется ее основной формой русского народного быта, источником всех добровольных союзов, оказавшим «могущественное и неотразимое» влияние на все формы народной деятельности. Общинное начало на Руси, по его словам, обеспечивает уравнивание прав трудящегося класса и примирение социальных несовершенств²⁴. Оно пронизывает все сферы человеческой деятельности, в том числе – религиозную. А.А. Папков настаивает на присутствии общинных начал в религиозной деятельности славян еще языческого времени²⁵. Поэтому и приход для него, как и для Д.Ф. Самарина и последующих земцев, – часть общественного, потому что общинного устройства. «Свободной» он называет русскую общину не потому, что она была свободна от государственных повинностей. Напротив, он неоднократно подчеркивает, что государство стремилось опереться на общину в управленческих и фискальных целях. Но потому, что она была самостоятельна в своем внутреннем обустройстве, т.е. была самоуправляющейся. Идея общинного самоуправления была коньком Папкова. Именно этот принцип он положил в основание своей концепции переустройства православного прихода. Но в этом смысле его и его последователей нельзя причислять к «обновленцам» и «демократизаторам» прихода или проводникам «протестантских» влияний. Источник его концепции – не проекция сословных интересов на приход (как собственно было у священников-«обновленцев») и не теории политического либерализма, перенесенные на церковную почву. Это, прежде всего – развитие, популяризация (и в каком-то отношении вульгаризация) идей славянофилов об обществе, общине и общественности. (В этом смысле он, скорее, ближе к «консервативным народникам» – С.А. Рачинскому, Н.И. Ильминскому, которым покровительствовал К.П. Победоносцев²⁶.) Например, успешную долговременную деятельность западнорусских братств Папков рассматривал как проявление «общественной самостоятельности», которая была бы невозможна без самостоятельности этих объединений. Последняя была залогом их жизнедеятельности (категория, восходящая, к славянофильскому понятию жизни). Когда же после вхождения Малороссии в состав империи эта местная общественная самостоятельность стала утрачиваться под натиском административной централизации, нового порядка уездного управления, когда все, что носило печать самоуправления, стало считаться самоуправством, сходки – опасными собраниями, сычение меда – бражничеством, ушла в прошлое

²⁴ Папков. 1897. Т. 1. № 2. С. 251–252 (3-я пагин.). См. также: Папков. 1901.

²⁵ Папков. 1897. С. 253.

²⁶ Михайлов. (URL: e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/16.doc); Полунов. 2010.

и «самодеятельность» братств. Их членам – замечает Папков вслед за одним из малороссийских священников – оставалось лишь стоять с особыми свечами по праздникам²⁷. Характерно, что Папков – как и славянофильски ориентированные земцы, его современники, в этот период систематически обсуждавшие идею прихода как «мелкой земской единицы»²⁸ – рассматривал приходскую общину как всеобщую единицу и как возможную низовую единицу гражданского самоуправления.

В июне 1902 г. А.А. Папков предложил план приходского переустройства, опубликовав его сначала в «Русском вестнике», а затем – и отдельной брошюрой под названием «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя»²⁹. Самой существенной ее частью был «Проект постановлений о церковно-приходском собрании и церковно-приходском совете православных приходов в России», т.е. фактически – проект приходского устава. Проект Папкова состоял из 42 параграфов, объединенных в три главы: общие правила, о церковно-приходском собрании, о церковно-приходском совете. Характерно, что в проекте не содержалось определения прихода, а давалось определение прихожанина: к ним относились «лица православного исповедания» проживающие в пределах прихода, а также вне его, но причисленные к нему по их желанию. Существенными чертами нового приходского устройства должны были стать: самоуправление, самообложение, право братского суда – характерные атрибуты «свободной», т.е. самоуправляющейся общественной организации.

Еще ярче восприятие прихода в качестве общественной единицы проявилось в выступлении А.А. Папкова после выхода манифеста 17 октября 1905 г., провозглашавшего среди прочего свободу собраний³⁰. Он заявлял, что теперь нет никаких препятствий для самоорганизации православного прихода, поскольку сняты все ограничения для любого вида общественной самоорганизации. Если ранее, до издания манифеста – рассуждал он – требовалось издание особого приходского устава, санкционирующего приходское самоуправление, то теперь необходимость в издании такого устава отпала. Православным верующим вместе со своими священниками нужно просто собраться и «явочным порядком» реализовать свои «древние» приходские права. В новой ситуации писанные уставы могут даже скорее повредить делу приходского возрождения: «Обновленный приход, осеняемый духом Христо-

²⁷ Папков. 1900. С. 289 и сл.

²⁸ Подробнее см.: Беглов. 2014 (а).

²⁹ Папков. 1902.

³⁰ Папков. 1905.

вым, содержит в себе столько творческих сил и может обнаружить столько новых потребностей, что учесть их заранее не представляется ни возможности, ни необходимости»³¹.

У славянофильской парадигмы понимания прихода с течением времени сформировалась достаточно широкая общественная поддержка. Из идеи о необходимости восстановления прихода как самоуправляющейся общины исходили различные группы земских деятелей, начиная с 1860-х гг. вплоть до 1917 г. После первой русской революции, особенно в 1909–1913 гг. внимание к приходу как к «общественной единице» поддерживалось депутатами Государственной думы, которые предложили несколько проектов приходской реформы. В 1900–1910-х гг. у такого взгляда нашлись приверженцы и среди высшей бюрократии и, видимо, в «высших сферах»: идея сближения приходского и местного «общественного» управления присутствовала в императорском манифесте 1903 г.³², а идею о самостоятельной приходской общине отстаивали чиновники различных ведомств (в т.ч. премьер П.А. Столыпин и министр внутренних дел А.А. Макаров) перед чиновниками обер-прокуратуры.

С другой стороны, взгляд на приход как общину и часть общества настораживал чиновников духовного ведомства и некоторых церковных интеллектуалов, которые видели в таком подходе протестантские тенденции и угрозу разрыва связи прихода и епископа³³.

Приход как учреждение

Славянофильский подход к пониманию прихода как общественной единицы не учитывал важную характеристику Православной церкви – ее иерархичность. Слова Д.Ф. Самарина и А.А. Папкова о неразрывной связи прихода с епископом звучали во многом как декларация или только как благопожелания. Их видение прихода не предлагало описания конкретного механизма этой связи. Такой подход не удовлетворял большую часть церковного общества и чиновников ведомства православного исповедания. Эти мыслители попытались вернуть вертикальное измерение в приходскую жизнь.

³¹ Там же. С. 13; ср.: с. 17.

³² ПСЗ(З). Т. 23, отд. 1. 26 февраля 1903 г. № 22581.

³³ В частности, известный канонист, профессор Казанской духовной академии И.С. Бердников охарактеризовал подход А.А. Папкова как протестантский, что закрепилось в позднейшей литературе и многократно повторялось чиновниками обер-прокуратуры. Нам кажется это полемическим упрощением, не раскрывающим природы такого взгляда. На деле он коренится именно в славянофильской идеализации общины, способной – по их мысли – стать субъектом как общественной, так и религиозной жизни.

Интеллектуальным лидером этой группы – особенно поначалу – воспринимался специалист по каноническому праву, профессор Казанской духовной академии И.С. Бердников³⁴. В «Сепаратном проекте» приходского устава он дает следующее определение прихода: «Церковным приходом в православной Церкви называется церковная община, имеющая особый храм для богослужебных собраний и состоящая под духовным управлением приходского священника. Приход составляет нераздельную часть епископии и подчинен епископу как высшему своему пастырю»³⁵. Слово «община» здесь теряет «общественный» характер. Бердников недаром дважды повторяет слово «церковный» – по отношению и к приходу, и к общине. Он намерен отделить церковную общину от общины гражданской и исключить самую возможность их отождествления (на базе, например, «мелкой земской единицы», как на то надеялись многие славянофильски ориентированные земцы и даже чиновники МВД). Более того, приход является «частью епископии», и это – для Бердникова – важнейшая его характеристика. Тем самым не епископия состоит из самоуправляющихся общин, объединенных епископом, не они являются базовой единицей церковной жизни, а епархия является такой базовой единицей, разделенной на приходы только «в порядке церковного и хозяйственного управления». (Такой взгляд, кстати, был созвучен и мнениям ряда членов IV отдела Предсоборного присутствия, с которыми Бердников полемизировал³⁶.)

Иными словами, Бердников и его единомышленники «выстраивали» церковь сверху вниз – от епархии к приходу. Остальные элементы их концепции (роль священника, конфигурация собственности в приходе и др.) были только следствием такой оптики и иерархецентризма. Из такой же логики исходили и последующие синодальные (выработанные Синодом или учрежденными им комиссиями) проекты приходского устава. Причем стремясь сделать свои формулировки максимально ясными, они усиливали эту логику.

«Православный приход есть церковное учреждение» – т.е. то, что учреждено неким вышестоящим институтом, под которым подразумевалась епархия. Такова формула, принятая общим собранием Предсо-

³⁴ Однако он как самостоятельный мыслитель был гораздо шире того взгляда на приходской вопрос, который возобладали среди основной группы приверженцев его точки зрения на приход. Об этом, в частности, ярко свидетельствует конфликт между ним и большинством членов созданного Синодом Совещания по приходскому вопросу 1907 г. Подробнее см.: Беглов. 2012 (в).

³⁵ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 395–396.

³⁶ Там же. Т. 2. С. 4, 8.

борного присутствия в качестве основного положения. (Хотя в проекте IV отдела Присутствия стояло слово «община», правда, «соединенная» епископом со всей Вселенской церковью, но «отдельная».)

Совещание 1907 г. также считало важным подчеркнуть, что приход – это часть епископии, поэтому выражение проекта Присутствия «<учреждение,> состоящее в ведении епископа» было заменено для большей ясности на выражение «состоящее в *подчинении* епископа» (курсив мой – А.Б.). По этим же соображениям второй параграф проекта нормального устава Предсоборного присутствия, в котором приход характеризовался как «отдельная церковная община» был Совещанием опущен. Его члены считали, что такая характеристика затуманивает тот факт, что приход является частью епископии и вносит в Церковь «федеративное начало». Причем по предложению преосвященного Орловского Серафима (Чичагова), определению прихода при дальнейшей доработке проекта был дан богословский комментарий (в виде примечания): «Приход есть составная часть епископии и только от епископа получает жизнь; через своего епископа приход состоит в тесной связи со всею Единою, Святою, Соборною и Апостольскою Церковью и, посему, должен подчиняться своему епископу, блюсти единение в вере, хранить единое для всей православной Христовой Церкви Апостольское и Свято-Отеческое предание, иметь попечение об общих церковных нуждах и участвовать в их удовлетворении. Приходский священник есть доверенный от епископа пастырь, полномочия которого определены в его ставленной грамоте»³⁷. В таком виде начальные статьи проекта устава православного прихода существовали в редакции обер-прокурора П.П. Извольского (1908 г.), но в дальнейшем были переработаны (в частности, опущено примечание). Однако само определение прихода осталось тем же (в редакции С.М. Лукьянова, 1910 г.), но было несколько скорректировано в редакции В.К. Саблера (1912 г.): «Православным приходом именуется собрание православных христиан, составляющее часть паствы местного епископа, обитающее в известной местности, объединенное в общество при своем храме и врученное ближайшему пастырскому руководству одного или нескольких священников для достижения вечного спасения посредством общей молитвы, благодатных таинств, церковного назидания и дел христианского благотворения (ст. 1)»³⁸. Отказавшись от слова «учреждение», акцентируя религиозные функции прихода, духовное ведомство при Саблере стремилось смягчить настороженность общества подготавливавшейся в недрах ведомства реформой, но на деле

³⁷ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 263 об.; РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 6 об.

³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 218. Л. 15.

исповедовало ту же философию полного подчинения прихода церковной иерархии³⁹. Более того, именно в редакции Саблера самостоятельность соборных приходских институтов была фактически уничтожена: именно здесь было зафиксировано право епископа распустить избранный приходский совет «по представлению» настоятеля и причта.

Во второй редакции В.К. Саблера (1914) (первая была подвергнута жесткой критике со стороны ряда министерств) определение прихода было изменено еще раз. Теперь приходом называлось не «собрание», а «союз» православных христиан. Подчеркивалось, что через местного епископа этот союз принадлежит «к единой святой соборной и апостольской Церкви». Последняя фраза почти в точности воспроизводила аналогичное место из объяснения к 1 ст. редакции П.П. Извольского. Такая правка, ничего не меняя по существу, лежала в русле стремления авторов новой редакции заменять канцеляризмы на церковную лексику.

Таким образом, определения прихода как церковной общины, учреждения, собрания, союза верующих, последовательно сменявшие друг друга в бердниковской и синодальных редакциях устава православного прихода, отражали общий подход к приходской проблеме, носители которого шли от целого (Церкви, епархии) – к частному. Представителями этого направления была осознана проблема соотношения между иерархизмом и соборностью (этим их подход отличался от подхода Д.Ф. Самарина – А.А. Папкова). Но баланс между ними не был найден, центр тяжести явно был смещен в пользу иерархии, остальные институты – приходские совет и собрание – оказывались только вспомогательными органами при священнике (как носители иерархического начала в приходе). Кроме того, вместе с доминированием иерархического начала в приходскую жизнь проникало и начало бюрократическое (это хорошо видно в саблеровских редакциях), подчинение приходской жизни – как и прежде – бюрократическому надзору со стороны консистории. И в этом нет ничего удивительного, поскольку иерархическое начало в этот период еще не было отделено от бюрократического и в жизни всей Российской Церкви, а такое отделение было одним из основных требований сторонников церковных преобразований, в том числе епископов⁴⁰.

Баланс между иерархизмом и соборностью на уровне прихода был найден только в решениях Собора Российской Церкви 1917–1918 гг., но они не были воплощены в жизнь и оказали только косвенное воздействие на активизацию приходской самодеятельности в 1920-е гг.⁴¹

³⁹ Беглов. 2013.

⁴⁰ См.: *Димитрий, еп. Новомиргородский*. 1905. Стб. 362–365, особенно стб. 363.

⁴¹ Беглов. 2012 (6).

Братство в приходе

Попытки осознать приход в категориях братства делались еще в 1860-х гг., в ходе обсуждения тогдашней реформы, приведшей к учреждению в 1864 г. Приходских попечительств при православных церквях. Именно братства предлагал учреждать в приходах митр. Киевский Арсений (Москвин), полемизируя с проектом приходской реформы, выдвинутым Главным присутствием по делам православного духовенства, одним из главных инициаторов которого был министр внутренних дел П.А. Валуев⁴². Но в наиболее развернутом виде этот подход был представлен независимо друг от друга пятью архиереями в начале 1890-х. В 1890–1893 гг. К.П. Победоносцев готовил свою реформу прихода⁴³, частью которой должна была стать и реформа приходских попечительств. В 1893 г. духовное ведомство предприняло опрос епархиальных преосвященных, желая детально выяснить состояние приходских попечительств в епархиях и собрать мнения епископов о необходимых изменениях в Положении 1864 г. Соответствующий указ Синода был издан 27 октября 1893 г. Основная часть отзывов преосвященных поступила в Петербург в 1893–95 гг., хотя некоторые из отзывов приходили и в 1896-м, и в 1897-м, и даже в 1903–1905 гг. Собранные материалы отложились в обширном «Деле о пересмотре положения о приходских попечительствах»⁴⁴.

В соответствии с синодальным указом отзывы преосвященных содержали информацию (разной степени детализации) о состоянии приходских попечительств в их епархиях, а также – предложения самих епископов относительно перспектив реформирования попечительств. Эти предложения фактически представляли собой взгляд епископата Российской Церкви на возможные направления приходских преобразований в 1890-е гг. В части этих отзывов и прозвучала идея создания приходских братств. За нее выступала небольшая группа архиереев (11,4% всех рекомендаций): митрополит Киевский Иоанникий (Руднев), архиепископ Волынский Модест (Стрельбицкий), епископы Полтавский Иларион (Юшенов), Орловский Мисаил (Крылов), Тульский Ириней (Орда).

В некоторых своих положениях с предложениями этих пяти архиереев были созвучны пожелания преосвященных Подольского, Холмского, Тамбовского, Иркутского и Алеутского⁴⁵, которые не скрывали, что

⁴² Римский. 1999. С. 333–334.

⁴³ Полунов. 1996. С. 90–93; Беглов. Приходская реформа... (в печати).

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292.

⁴⁵ Волынский преосвященный, например, писал, что приходские попечительства не созданы народной жизнью и ее потребностями, а поставлены вне ее официальной регламентацией, и предлагал преобразовать их в братства, которые были «религиоз-

образцом для них послужила традиция западнорусских братств, все еще живая в юго-западных и западных епархиях. Большинство названных епископов лично были знакомы с этой традицией, будучи правящими архиереями соответствующих епархий. Епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров) вплотную взаимодействовал с братствами, существовавшими среди православных эмигрантов в Америке, а епископ Ириней до назначения на Тульскую кафедру был епископом Могилевским⁴⁶.

У предложений пяти архиереев были общие черты. Они предлагали формировать приходские братства сугубо на добровольной основе. Членами новых попечительств-братств могли бы быть все правоспособные, совершеннолетние прихожане, не исключая и женщин, пожелавшие «соединиться с другими лицами ради религиозно-нравственных целей». Членами таких добровольных братств, по мысли преосвященных, должны были быть и причты, а священник обязательно должен был стать их главой и руководителем⁴⁷. Основной целью деятельности преобразованных попечительств-братств, по мнению этих архиереев, должно было стать нравственное просвещение прихожан. Хозяйственная деятельность и благотворительные начинания этих приходских организаций, как представлялось преосвященным, должны были «явиться сами собою» в результате «нравственного подъема церковно-приходской жизни»⁴⁸.

Во всех случаях, когда преосвященные предлагали преобразовать попечительства в приходские братства, речь шла о привлечении в эти организации наиболее преданных Церкви прихожан. Это означало выделение из индифферентного, а иногда и враждебного к Церкви крестьянского «мира» религиозного костяка прихода, консолидацию активных прихожан вокруг священника, который тем самым становился в первую очередь лидером религиозного союза и работы в приходе⁴⁹. Причем и институционально, и по существу речь в этом случае шла о размежевании, дезинтеграции с «миром», о формировании в виде приходского

ными союзами мирян» вокруг «своего пастыря для служения нуждам православной церкви», для взаимной помощи и распространения просвещения. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 368 об., 369 об. Ср. также сопоставление приходских попечительств и местных братств в отзывах духовенства Подольской и Холмской епархий: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 80 об.–83 об., 678–682.

⁴⁶ Смолч. 1996–1997. Ч. 1. С. 764.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 196–196 об. (Тульская епархия), 365–365 об., 369 об. (Волынская), 601–605 (Орловская). Ср.: Там же. Л. 559 (Иркутская).

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1292. Лл. 196 об.–197 об. (Тульская епархия), 367 об., 369 об. (Волынская), 414–414 об. (Киевская), 601–605 (Орловская). Ср.: Там же. Л. 555 об. (Иркутская).

⁴⁹ Ср.: Там же. Л. 196–196 об. (Тульская епархия), 601–605 (Орловская).

братства такого религиозного ядра, вокруг которого мог бы формироваться новый приход, новые приходские институты. Однако из проектов пяти преосвященных совсем не всегда было ясно, как они собирались решить одну из центральных проблем приходской жизни пореформенной России – проблему эффективности приходского хозяйства. Из них только епископ Тульский Ириной настаивал на наделении братств правами юридического лица с возможностью широкой хозяйственной деятельности.

Одновременно, независимо от отзывов преосвященных, которые не были опубликованы, в сходном ключе о приходе и приходской реформе размышляли и священники – энтузиасты братского движения, такие как священник Иосиф Фудель, в 1892 г. напечатавший серию статей в «Русском вестнике», а позднее переиздавший их отдельными брошюрами⁵⁰. Он призывал объединить в «малое стадо» «лучших людей» прихода и был уверен, что с их помощью можно будет перевернуть его жизнь так, что она принесет «неисчислимыя благие последствия». Впрочем, современники, даже с симпатией относившиеся к перспективе приходских преобразований, критиковали «теорию» о. Иосифа Фуделя как непрактичное и наивное построение⁵¹.

Братство вместо прихода

Однако реформировать приход можно было и иным путем – не через его институционализацию или создание в нем религиозного ядра, а через его отрицание. Такой «духовный анархизм» в 1900-х гг. демонстрировал М.А. Новоселов. При этом если многие преосвященные и другие сторонники приходских преобразований считали, что братство должно вырасти из прихода⁵², то М.А. Новоселов склонен был противопоставлять эти две категории. В развернутом виде он представил свою позицию на завершающей стадии работы Особого совещания для выработки проекта о православном приходе⁵³.

В день предпоследнего заседания Совещания, 17 декабря 1907 г. он составил записку, которую по завершении работы Совещания подал в качестве своего особого мнения⁵⁴. Автор записки начинал свою критику с обвинения своих коллег по Совещанию в «чрезмерной вере в

⁵⁰ Фудель И.И., *свящ.* 1894 (а); 1894 (б).

⁵¹ *Заозерский.* 1894. С. 190–191 (2-я пагин.).

⁵² *Беглов.* Как можно было реформировать православный приход...

⁵³ *Беглов.* 2012 (в).

⁵⁴ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 182–188, 188 об., 189–192 (автограф), 232 об.–234 об. (отгиск). В конце автографа дата 17 декабря 1907 г. проставлена рукой Новоселова, а на первом листе стоит писцовая дата 21 декабря 1907 г., которую можно интерпретировать как дату поступления документа в секретариат Совещания.

форму» (очевидно, юридическую), отчасти повторяя тем самым обвинения, высказанные Л.А. Тихомировым в адрес IV отдела Предсоборного присутствия. Эта «вера в форму», считал М.А. Новоселов, «имеет своим последствием построение прихода на почве гражданской общины», а значит проект Совещания «сходит с той почвы, на которой единственно достижима цель оживления церковно-приходской жизни», поскольку это оживление должно быть прежде всего религиозным. Более того, любое новое регулирование приходской жизни Новоселов считал прямо вредным «уже по тому одному, что оно мешает свободному действию и соглашению православно-одушевленных элементов».

С резкой критикой автор записки обрушивался на территориальный принцип, положенный Предсоборным присутствием и Особым совещанием в основание определения прихода, поскольку – как он считал – «территориальный приход» препятствует свободному возникновению «тесных нравственных связей» верующих и «добрых пастырей». М.А. Новоселов повторял слова И.С. Бердникова о том, что существующие законоположения вполне достаточны для оживления приходской жизни. Но если казанский профессор говорил это с позиций отстаиваемого им иерархецентризма, то Новоселов – с позиций своего рода духовного анархизма. Он призывал иерархию, пастырей и ревностных мирян «приложить силы к церковно-религиозному действию», а не к писанию правил. Только на почве этого действия, он был уверен, состоится сплочение «лучших христианских сил» и выработка новых форм жизни. Интересно, что Новоселов ставил в пример пастырям Церкви революционеров, которые «организуют наиболее горячие, ревностные, убежденные силы свои и только при помощи их захватывают под свое влияние “территориальные единицы”. И именно поэтому они даже небольшие силы употребляют с таким грозным успехом»⁵⁵.

Автор особого мнения предлагал и свою программу оживления «православного мира», подчеркивая, что она принципиально выходит за рамки приходского вопроса и затрагивает разные стороны церковной жизни. Прежде всего он призывал епископат «все свои силы употребить на одушевление пастырей и пасомых к <...> организации христианских союзов и братств (вполне законом разрешенных и ныне)». Такие «приходские и всецерковные союзы и братства» он категорично противопоставлял созданию в приходе гражданско-правомочной общины: «Несколько сот тысяч таких ревностных деятелей, сплоченных в своих союзах, имеющих свои капиталы и т.д., и объединенных вокруг церков-

⁵⁵ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 233 об.

ной иерархии, сделают для Христова дела больше, чем десятки миллионов “территориальных” христиан, ленивых и равнодушных к истине и жизни истинной⁵⁶. Вторым пунктом программы возрождения «православного мира» было «оживление деятельности пастырей», но не через привлечение к выборам священника прихожан («ибо иные прихожане именно лучшего <пастыря> и не пожелают»), а через изменение системы привлечения к священству и особенно – через изменение «системы подготовительных к пастырству школ». Вместо существовавших семинарий Новоселов предлагал создать сеть пастырских школ и пастырских курсов при них, куда шли бы желающие священства по «свободному влечению», причем не только образованные, но и «простецы». Параллельно новым пастырским школам он считал необходимым создать институт «специальных проповедников, апологетов, миссионеров» как из священников, так и из мирян. По приглашению священника или по поручению епископа они должны были бы рассылаться «в постоянные объезды» для помощи приходским священникам или для борьбы с лжеучениями.

Третьим условием возрождения церковной жизни Новоселов считал оживление и одухотворение «высшей школы христианской жизни» – монастырей, которые должны стать «общиной монахов, а не пристанищем ищущих безделья и легкого прокормленья»: «Воскресение монастырей, оживление их духовное – дало бы такие неисчислимые силы для всех верующих, для дела истинного оживления *религиозно-церковной* жизни вообще, а в частности и в приходах, что странно даже и сравнивать с ними граждански деятельные силы приходов территориальных, с их вычислениями рублей, попадающих в тот или иной карман⁵⁷.

В этой горячей критике проекта Особого совещания можно увидеть отзвуки того коммунитарного идеала, который автор, казалось бы, должен был оставить в прошлом вместе с увлечением толстовством. Однако призывы к созданию деятельных общин в виде братств и монастырей, которые должны пересоздать косный «территориальный» приход отчетливо перекликаются с идеями русских коммунитариев рубежа XIX–XX вв., в том числе – с его собственными идеями, что людям нужно «показать» идеальное общество, и тогда они сами станут жить по законам добра и справедливости. Только если раньше таким образом виделась коммуна, то теперь – братство⁵⁸. Призывы эти были вдохновенны и пре-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 202. Л. 234 об. Курсив М.А. Новоселова.

⁵⁸ Ср.: Гордеева. 2003. О роли самого М.А. Новоселова в этом движении и о его коммунитарных идеях см.: Там же. С. 68–76, 131, 142, 162, 179, 184 (зд. особенно про его общественный идеал), 190, 215–226.

краснодушны, но едва ли реализуемы на практике. Мы не знаем, как коллеги по Советанию реагировали на особое мнение М.А. Новоселова. Во всяком случае, оно было приобщено к другим материалам этого органа.

Заключение

Как мы видели, понимание прихода как общины подразумевало взгляд на него как на часть общественной жизни, что создавало уникальные условия для взаимодействия между низовой церковной организацией и другими общественными институтами, например, земским самоуправлением. В практической плоскости для этого, впрочем, были существенные препятствия. И речь шла не только о противодействии такому взаимодействию со стороны епископата (особенно в 1860–1880-е гг.), но и о глубоком недоверии между духовенством и дворянами, которые составляли большинство активных земцев⁵⁹. Кроме того, славянофильский взгляд рассматривал приход как самостоятельную клеточку церковного организма. Внутри же Церкви приходы, исходя из этой логики, должны были взаимодействовать через соборные институты, которые тогда не существовали. Между тем, такой взгляд не учитывал важную характеристику Православной церкви – ее иерархичность. Напротив, взгляд И.С. Бердникова и других приверженцев иерархизма исходил из примата целого: приход не имел самостоятельной жизни в себе, но был только частью епархии. Принцип иерархичности был здесь не просто учтен, он становился точкой отсчета всех рассуждений. В результате приход лишался самостоятельного значения, а также – выпадал из контекста общенациональной, общегосударственной жизни, оказывался изолированным от нее.

Совсем другой ракурс взгляда на приход представляли те епископы и публицисты, которые предлагали создать внутри прихода, вокруг приходского священника религиозно-нравственный союз, приходское братство. В этом случае, фактически, речь шла о выделении религиозного костяка прихода, вокруг которого могли бы формироваться новые приходские институты. Такое приходское братство могло бы обособиться от институтов крестьянского самоуправления, его создание не бросало вызов принципу иерархизма, поскольку братство должно было формироваться вокруг представителя епископа – священника. Кроме того, ничто не исключало возможности его сотрудничества с иными общественными институтами. Однако епископы, отстаивавшие эту идею, не смогли предложить понятного механизма решения важной проблемы приходской жизни той эпохи – проблемы эффективности

⁵⁹ Беглов. 2014 (а). С. 188–189.

приходского хозяйства, которое в значительной степени зависело от постановлений сельского схода. Так или иначе, идея решения приходского вопроса путем учреждения приходских братств представлялась современникам наивной и малоперспективной.

К концу имперского периода русское общество было далеко от консенсуса в приходском вопросе. Ни одна из перечисленных стратегий построения идентичности прихода до революции не стала общепринятой. Отдельные попытки их реализации (Москва, Орел, Рига) носили локальный характер и были сметены последующими событиями. После революции события пошли по пути, который ранее казался наименее реалистичным. Как показал в своем новом исследовании Г.Л. Фриз, в результате крушения бюрократической синодальной системы, начавшихся гонений на веру и Церковь со стороны советской власти, а также в силу того, что последняя первоначально попыталась предоставить приходам определенные права, желая противопоставить прихожан иерархии и духовенству, в приходах стремительно сформировалось религиозное ядро из активных и полномочных мирян⁶⁰. Тем самым идентичность прихода была утверждена не в ходе дискуссий и законотворческой деятельности, а в ходе социальных трансформаций раннего советского периода. Предложения небольшой группы епископов 1890-х гг. оказались своего рода пророчеством, правда, как водится, вовремя не услышанным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / Составитель С.В. Калашников. Харьков, 1896.
- Беглов А.Л.* Святоотеческое сознание русского старчества: (XIX – начало XX века) // Русская патрология: Материалы академической конференции. Сергиев Посад, 2009. С. 310–367.
- Беглов А.Л.* Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб.: «Нестор», 2012 (а). С. 371–388.
- Беглов А.Л.* Объединения православных верующих в СССР в 1920–1930-е гг.: причины возникновения, типология и направления развития // Российская история. 2012 (б). № 3. С. 91–104.
- Беглов А.Л.* Особое Совещание для выработки проекта о православном приходе 1907 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. История. История Русской Православной Церкви. 2012 (в). Вып. II: № 5(48). С. 39–61.

⁶⁰ Фриз. 2012; 2013. Ср. аналогичные выводы, сделанные на другом материале: Беглов. 2012 (б).

- Беглов А.Л. Духовное ведомство и приходские институты: проект положения о православном приходе в редакции В.К. Саблера 1912 г. // ЭНОЖ «История». 2013. Вып. 7 (23). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000560-5-1>.
- Беглов А.Л. Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014 (а). № 1 (32). С. 172–200.
- Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014 (б). № 2(57). С. 56–81.
- Беглов А.Л. Приходская реформа по К.П. Победоносцеву // Quaestio Rossica. 2014. № 3 (4). (в печати).
- Беглов А.Л. Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». (в печати).
- Гордеева И.А. «Забывшие люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003.
- Димитрий, еп. Новомиргородский. Письмо православного епископа // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. 1905. № 12, 24 марта. СПб., 1905. Стб. 362–365.
- Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного При-
сутствия. Тт. 1–4. СПб., 1906–1907.
- Заозерский Н.А. Братское дело в православной России: По поводу брошюр господина Папкова и священника Фуделя о церковных братствах и приходских попечительствах // Богословский вестник. 1894. Т. 4. № 10. С. 174–197 (2-я пагин.).
- Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Тт. 1–2. СПб., 1999.
- Михайлов А.Ю. Дискуссия о реформе православного прихода в начале XX в.: альтернативный проект И.С. Бердникова // Информационные научно-образовательные ресурсы ГАГУ. URL: e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2005/16.doc
- Н.П. О приговорах волостных правлений и крестьян по обидам, причиняемым духовными лицами // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 45. С. 237–245.
- Начальственные распоряжения в епархиях по вопросам пастырской практики // Руководство для сельских пастырей. 1890. № 4. С. 118–119.
- Папков А.А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.
- Папков А.А. Древнерусский приход: Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII в. и в Западной России до XVII в. // Богословский вестник. 1897. Т. 1. № 2. С. 251–284 (3-я пагин.); № 3. С. 373–395 (3-я пагин.); Т. 2. № 4. С. 42–67 (2-я пагин.).
- Папков А.А. Единственный возможный в настоящее время путь к восстановлению православного прихода – явочный порядок: (Воззвание к священникам и прихожанам). СПб., 1905. (оттиск из газ. «Россия» №№ 24–25 от 1–2.12.1905).
- Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902.

- Папков А.А.* Несколько замечаний по истории древне-русской общины. (Лекция, читанная в Русском Собрании 13 ноября 1901 г. в отделе «народного права»). Из журнала «Вестник права» (Декабрь 1901 г.). СПб., 1901.
- Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1913.
- Положение о сельском состоянии. Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости: (Особое приложение к тому IX Законов о Состояниях). С приложением правил о переделе мирских земель, закона о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель и оглавления и алфавитного (предметного) указателя. СПб., 1894.
- Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.
- Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.
- Самарин Д.* Приход. Ч. 1–2. М., 1867–1868.
- Самарин Д.Ф.* Собрание статей, речей и докладов. Т. 1. Крестьянское дело. М., 1903. Т. 2. Статьи о приходе. Статьи разнородного содержания. М., 1908.
- Смирнов С.* Древне-русский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.
- Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1996–1997.
- Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
- Фриз Г.Л.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 86–105.
- Фриз Г.Л.* Православие, власть и секуляризация в России, 1860–1940 // ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. – DNI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert, Nr. 19 (2013).
- Фудель И.И., свящ.* К реформе приходских попечительств. М., 1894 (а).
- Фудель И.И., свящ.* Основы церковно-приходской жизни. М., 1894 (б).
- Шевцова В.Ф.* Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.
- Freeze G. L.* The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth-Century Russia // Journal of Modern History. Vol. 48. 1976. № 1, March. Pp. 32–50.
- Беглов Алексей Львович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; beglov.al@yandex.ru